

*...ибо время, столкнувшись с памятью,
узнаёт о своём бесправии.*

И. Бродский

Анна ушла, не дожив до своего тридцатилетия. К моменту ухода она многое перечувствовала и передумала, сделала и увидела немало для своего возраста и времени, оставила след в душах многих близких и знакомых, но уходила с неутолённой и неутолимой жаждой жизни, жаждой земного бытия во всём его разнообразии, полноте и противоречивости. Более того, жизнь в её существенных основах, жизнь в Любви и Творчестве раскрылась перед ней особенно полно именно в последние полтора года её жизни и её неизлечимой болезни.

Я, её отец, расскажу о пути одной российской девочки, потом девушки и молодой женщины, которая прожила всю свою тайную внутреннюю жизнь на пути к обретению целостного религиозного мировоззрения, в постоянной жажде и излучении любви, отдельной темой в которой была исполненная ответственности и доказанная всей её жизнью мучительная любовь к России.

Будет сказано и о «корнях» Анны, о тех её предках, которые прямо или опосредованно участвовали в её формировании.

Итак, перед вами «Сага об Анне», правдивый рассказ об истоках и судьбе одной женской личности в России на исходе второго тысячелетия Христианской эры, рассказ о том, как в истории одной души преломляется история страны, народа, рода, поколения и избранного дела жизни, и как сквозь всё это прорываются лучи того Живого Света, которыми, собственно, и жива душа. Анна любила разнообразные саги скандинавской традиции — пусть же будет ещё одна сага...

Сагу эту я начал писать в год ухода Анны. Но волей судьбы дописываю её через семнадцать лет после происшедшего.

За это время прошло пятнадцать «Чтений памяти Анны Мачинской» в Старой Ладогe, и три из них стали базой для проведения трёх конференций, посвящённых покинувшему нас Аниным учителям – Г.С. Лебедеву, М.Б. Щукину, Е.А. Рябинину. На базе «Чтений Анны» уже созданы две книги, посвящённые Г.С. Лебедеву (2004) и М.Б. Щукину (2011). Ежегодные декабрьские «Чтения», проходящие в самое тёмное время года, стали светлым событием для определённого круга петербургских – и не только – археологов и историков. Сверстники и сокурсники Анны за это время выросли в общепризнанных больших учёных, исследующих прошлое на всей территории России, от Санкт-Петербурга (Петя Сорокин) до Тувы (Костя Чугунов), и при этом они регулярно делают проблемные доклады на «Чтениях памяти Анны».

Ладожские «Чтения» отбирают и объединяют достойных (от студентов до докторов наук) и вызывают злобу и нападки недостойных. После одной такой слабосильной выходки мой самый старший ученик, известный археолог-античник Юрий Алексеевич Виноградов сказал мне: «Разве непонятно, что если в память об ушедшем человеке прошло уже 12 конференций, значит, в нём было что-то особенное». (К моменту разговора прошло ещё только 12 конференций.)

Так же достойно, хотя и менее заметно для широкого круга, свершаются и дотворяются и другие начатые Аней дела.

Эту сагу прочтут немногие, но это не беда. Я давно «пишу не для людей», т.е. для очень немногих людей, преимущественно молодых, а по существу для Живого Пространства, а также для пребывающих в нём ушедших. И Оно, и Они слушают, помнят и нуждаются в правдивых, светлых и горьких свидетельствах, воспоминаниях, осмыслениях.

***

Анна родилась в Ленинграде в ночь на 28 декабря 1964 г. между западным Рождеством и общечеловеческим Новым годом, и поэтому её дни рождения всегда проходили у ёлки со свечами, святочными гаданиями и огненными потехами.

Отец Ани, Дмитрий Алексеевич Мачинский — историк-археолог, изучающий историю Скифии-России, русский, или, вернее (по более точной дореволюционной терминологии), великоросс, передавший своей дочери наряду со славянской и другие «крови», вливание которых в основную, славянскую, и создало русских и великороссов. Он и составил эту «Сагу».

Мать Ани — Любовь Ионовна Фаенсон, искусствовед, специалист в области прикладного искусства, с восемнадцати лет работающая в Эрмитаже, чистокровная еврейка.

Обозначение этнических корней родителей не случайно, поскольку Аня с ранних лет осознала свои российские, средиземноморские и европейские истоки, чужала в себе их постоянно и с необычными естественностью и достоинством, проявив душевную широту и цельность, определила свою позицию в столь сложной и болезненной в России (и во всём мире) этнической проблеме.

И поскольку Анна в момент определения своей судьбы в тринадцать лет сама выбрала Россию как место жизни и смерти, а себя определила как русскую (при этом никогда не отрекаясь от своих еврейских корней и сознавая всю их значимость), начнём с её русских корней.

Своего деда по отцу, Алексея Владимировича Мачинского, Анна никогда не видала, да и я сохранил о нём единственное визуальное воспоминание, так как в декабре 1939 г. он был призван на военную службу, потом оказался на фронте Отечественной войны и в марте 1942 г., когда ему исполнилось тридцать два года, погиб в бою в звании младшего лейтенанта.

Родился он в Калуге в 1910 г., отец — Владимир Матвеевич Мачинский, инженер-технолог, мать — Ольга Константиновна Мачинская, оба русские, дворяне, православные

по крещению. Звучание фамилии позволяет предположить примесь польской крови, однако семейное предание знает только русские корни этого рода и иную этимологию фамилии Мачинский, как будто восходящей к русско-турецкой войне 1787–1791 гг., когда русские войска взяли на Дунае турецкий город Мачин. Отличившимся в боевых действиях тогда давали более высокие звания, а иногда и дворянство. В виршах, сочинённых А. В. Суворовым, есть строка: «За Мачин — майора чин...».

Именно А. В. Мачинский положил основание короткой — из трёх поколений — династии археологов. По воспоминаниям своих товарищей, известных археологов и моих учителей М. И. Артамонова и И. И. Ляпушкина, он был талантливым учёным, незаурядной личностью и уже в 1930-х гг. понимал, какой ужас совершается с Россией. Круг его научных интересов был широк — египтология, археология Центральной и Южной Америки, археология Северного Кавказа и российского Северо-Запада, древнеэскимосская культура на Чукотском п-ве, археология Приамурья.

Зато бабушка по отцу, Нина Анатольевна Винберг, ровесница века (1900–1984), принимала живейшее участие в воспитании Ани, которая была её последней большой любовью. В наследие от бабушки Ане досталось многое — черты сильного характера (в том числе иногда нелёгкие для окружающих), но в первую очередь врождённое, при этом сильно развитое чувство Долга, требовательность к себе и другим во имя Долга, а кроме того, впитанные с детства токи русско-европейской культуры и разветвлённое полиэтничное генеалогическое древо. Н. А. Винберг, искусствовед по образованию, большую часть жизни работала сначала сотрудником, а с 1945 г. — заведующей библиотекой Института истории материальной культуры (Института археологии) АН СССР (ныне ИИМК РАН) в Ленинграде, в сохранении и пополнении которой, равно как в создании библиографии советской археологии, она сыграла ведущую роль.

Анины предки по линии Н. А. Винберг принадлежали к российскому служилому дворянству, а позднее — к дворянской интеллигенции и прослеживаются с петровских и екатерининских времён. Аня была знатоком и хранительницей всех фактов и преданий этой линии своей родословной.

У истоков этой «русской» линии стоят два предка, известных по семейным преданиям и родословным. Один из них — швед («варяг»), другой — грек. И Аня, и я всегда ощущали, что через нас благодаря этим предкам проходит «путь из варяг в греки и из грек в варяги», тот путь, который некогда образовал становой хребет древнерусской государственности.

Раньше из них двоих в России появился швед Винберг, солдат или офицер армии Карла XII, взятый в плен при Полтаве и после Ништадтского мира пожелавший остаться в России. Его фамилия в качестве имени собственного — названия местности — звучит уже в Старшей Эдде в форме Винбьёрг. Потомки его получили русское дворянство. Во всяком случае, шлиссельбургским дворянином числился его потомок Владимир Карлович Винберг, швед с примесью крови восточно-балтийских немцев, лютеранин по крещению, считавший себя неверующим. По окончании высшего военного училища Корпуса лесничих молодой офицер приехал на работу в Крым, где он и женился на местной помещице Леониде Францевне из рода натурализовавшихся в России франкоязычных швейцарцев. У них было много детей, один из которых, Анатолий Владимирович Винберг, прадед Ани, и женился на Екатерине Николаевне Карабчевской, соединив таким образом «шведскую» линию с другой, «греко-русской», прослеживающейся также с XVIII в.

Истоки этой линии восходят к греку с острова Крит по фамилии Кумани, контрабандисту, который убил на Крите турка, отмстив за своего отца, запытанного этим турком, затем бежал на своём корабле и около 1779–1772 гг. примкнул к русской эскадре, крейсировавшей в Средиземном море. Он принимал участие в военных

действиях против Турции, а затем уехал в Россию, где женился и дослужился при Екатерине II до контр-адмирала. Его сын (также адмирал) Николай Кумани женился на немецке фон Дервиз. Одна из дочерей от этого брака, Софья Кумани, вышла замуж за Андрея Ивановича Никонова, впоследствии героя Севастопольской обороны и адмирала. Вторым ребёнком от этого брака была Ольга Андреевна, вышедшая замуж за Николая Платоновича Карабчевского, впоследствии знаменитого адвоката, он был потомком (не знаю, в каком колене) турка, ещё мальчиком взятого в плен во время русско-турецких войн, ставшего кем-то вроде «сына полка» и отданного для обучения в одно из военных заведений. От этого брака родилась Екатерина Николаевна Карабчевская, брак которой с А. В. Винбергом и соединил «шведскую» и «греко-русскую» линии. От этого союза и родилась Н. А. Винберг, бабушка Ани. Унаследовав от греческой линии чёрные волосы и средиземноморские черты лица, а от шведской — «подозрительно» звучащую фамилию, она в течение своей жизни неоднократно трактовалась окружением, не знавшим её корней (которые она в советское время, естественно, не афишировала), как еврейка, и я, не имея ни капли еврейской крови, удостоился во 2–3-м классах клички «жида». Любопытно, что маленький мальчик, отлично зная, что он никоим образом не еврей, чувствовал, что отрекаться недостойно, и ни разу не сказал своим сверстникам, что он «не жид».

Необходимо сказать несколько слов о названных предках Ани, поскольку некоторые факты их биографий сыграли определённую роль в жизненных позициях Анны. И в её поступках в решающие моменты жизни.

А. И. Никонов (1811–1891), прирождённый моряк и убеждённый монархист, лично знакомый с Александром II, участвовал в военных действиях по окончательному присоединению Абхазии к Российской империи, был героем обороны Севастополя, где одна из батарей была названа его именем. С 1863 г. — контр-адмирал, с 1873 — вице-адмирал, в 1891 г. — адмирал. В 1876 г., накануне русско-турецкой войны 1877–1878 гг. назначен начальником

приморской обороны, градоначальником, командиром порта, комендантом Севастополя с подчинением ему береговых батарей, минных заграждений, флота и войск. В 1891 г. он был назначен председателем Главного морского суда. Он вышел в отставку в 1882 г. и переехал в Петербург, дабы оказывать поддержку своим детям, получавшим там образование или работавшим*. Его могила на Новодевичьем кладбище Санкт-Петербурга включена в число особо охраняемых объектов.

У большинства его детей и внуков были революционные или либеральные убеждения. Так, Сергей Никонов, один из организаторов партии эсеров и её боевых дружин, ввёл в 1886 г. в террористическую группу «Народная воля» своего товарища А. И. Ульянова. С. А. Никонов был арестован в 1887 г., на месяц раньше, чем А. И. Ульянов, и по другому делу (агитация среди моряков), что спасло его от вероятной казни. Он был приговорён к ссылке в Сибирь, а место для неё, учитывая заслуги отца, предложили выбрать самому адмиралу. Тот выбрал, учитывая хороший для Сибири климат, Минусинскую котловину, которую тогда называли Сибирской Швейцарией (или Италией). Позднее туда же, по проторённой дорожке, отправился и другой Ульянов (Ленин) — в село Шушенское.

А. И. Никонов, естественно, не разделял убеждений сына, но уважал их. «В нашей семье более всего ценили верность своим убеждениям», — свидетельствует в своих воспоминаниях С. А. Никонов.

Огромную поддержку С. А. Никонову и другим революционерам из клана Кумани-Никоновых, облегчая, чем можно, их участь, оказывали Ольга Андреевна Карабчевская и её муж, адвокат Н. П. Карабчевский, а позднее — их дочь Е. Н. Винберг, прабабка Ани. О. А. Карабчевская столь интенсивно помогала уцелеть своим революционно настроенным родичам и знакомым, что её брат С. А. Никонов посчитал, что «революция потеряла в ней

---

* Эти и ряд последующих данных — из семейного архива Д. А. Мачинского.

видного деятеля», но двигало ею лишь сострадание. Могила О. А. Карабчевской — на Новодевичьем, рядом с могилой её отца, адмирала А. И. Никонова.

Её возможности в деле оказания помощи оказавшимся в тюрьме и в ссылке многократно увеличивали влияние и известность её мужа, Н. П. Карабчевского, одного из лучших адвокатов конца XIX — начала XX в. Исследователь русской адвокатуры Н. А. Троицкий пишет, что Н. П. Карабчевский в «последние 10 лет существования буржуазной адвокатуры (после того, как в 1907 г. устранился от её дел Ф. Н. Плевако) был самым авторитетным адвокатом России».

Был героем ряда громких процессов, среди которых отметим три с «этническим подтекстом». Это, во-первых, «дело мултанских вотяков» (1896 г.) — необоснованные обвинения удмуртов (вотяков) в жертвоприношении человека языческому богу Кереметю. Здесь сподвижником прадеда выступил писатель В. Г. Короленко. Вотяки были оправданы. Во-вторых, это дело армянина Гульгульяна (1899 г.), который преднамеренно убил в Керчи турка, вырезавшего его семью во время армянского погрома в Турции в 1895 г. Наполненная огромным фактическим материалом об уничтожении славян, греков и армян в Блистательной Порте, и особенно о жутких армянских погромах 1894–1895 гг., защитительная речь Н. П. Карабчевского отличалась особой страстностью; видимо, помня о своей «турецкой крови», он как бы пытался хоть отчасти искупить историческую вину родственного ему народа. Гульгульян был оправдан судом присяжных.

И наконец, знаменитое «дело Бейлиса» (1913 г., канун Первой мировой войны), когда киевский еврей Мендель Бейлис безосновательно обвинялся в ритуальном убийстве подростка Андриюши Ющинского. Это «дело» было настолько провокационным и дутым, что в защиту Бейлиса выступил даже монархист В. В. Шульгин, политические взгляды которого были родственны черносотенной антисемитской идеологии. Оправдание Бейлиса поддержало авторитет и доказало беспристрастность суда присяжных в дореволюционной России и избавило страну

от провокационного судебного прецедента, который, несомненно, привёл бы к кровавым и позорным для России последствиям. Книга речей Н. П. Карабчевского была внимательно прочитана Аней в 1986 г. Дочь Карабчевских Е. Н. Винберг продолжала традицию своих родителей, поддерживала до последнего дня связь с заключённым в тюрьму своим двоюродным братом, 22-летним офицером флота Борисом Никитенко, обвинявшимся в подготовке покушения на царя и выданным Азефом. Руководство партии эсеров, дабы не портить свои позиции в Думе, передало ему в тюрьму просьбу взять всю вину на себя, т. е. сказать, что он действовал по собственной инициативе, а не по указанию партии, что Б. Н. Никитенко и сделал. Он был казнён в свой день рождения, 21.08.1907 г.

Несколько ранее этого события муж Е. Н. Винберг, присяжный поверенный А. В. Винберг, был адвокатом одного из матросов, сподвижников лейтенанта П. П. Шмидта. Именно А. В. Винберг привёз 04.03.1906 г. находившемуся в заключении Шмидту сообщение, что командующий Черноморским флотом Чухнин не принял кассацию, направленную адвокатами, и что казнь состоится не позже 06.03. А. В. Винберг, с разрешения начальства, провёл последнюю ночь перед казнью с П. П. Шмидтом, и в семье передавались его рассказы о спокойствии духа и уверенности в своей правоте и победе своего дела этого революционера-непротивленца, запретившего возглавляемым им кораблям отвечать на выстрелы береговых батарей Севастополя.

Два определённо связанных между собой события из области революционной и общественной деятельности сделали возможным продолжение линии Винбергов-Карабчевских в советское время и в конечном счёте само появление на свет Ани. Но чтобы понять связь между этими событиями, нужны некоторые пояснения.

Весь «клан» В. К. Винберга отличался внутренней спаянностью и взаимной любовью всех его семи детей. Эти отношения сохранялись и после вступления детей в брак, и в огромной степени это обеспечивалось обаянием личности самого В. К. Винберга.

Особо тесные связи установились между семьями А. В. Винберга — Е. Н. Карабчевской и Ольги Владимировны Винберг, вышедшей замуж за князя Владимира Андреевича Оболенского (из обедневшей линии Оболенских, земского статистика, депутата Первой Думы, с 1905 г. члена партии кадетов, в 1917 г. — секретаря её ЦК).

Вот как зять В. К. Винберга В. А. Оболенский характеризует своего тестя: «Русскую культуру он воспринял целиком, и, может быть, прививка русской культуры на скандинавском корне содействовала развитию в нём совершенно исключительных человеческих качеств. За всю мою долгую жизнь я не встречал никого, кто бы обладал в такой полноте, как он, какой-то необыкновенной внутренней гармонией, создававшей исключительную ясность во всех его отношениях к людям. Здоровое тело, здоровый разум и здоровый дух были основой этой внутренней гармонии. Ни одно из этих трёх начал человеческой природы не преобладало и не угнетало других, вследствие чего он может считаться подлинно совершенным человеком... Я не знал человека, более проникнутого чувством долга и глубокой любви к человеку — ближнему и дальнему» (Здесь и далее цит. по: Оболенский В. А. Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988.). Своим внукам «их дедушка представлялся каким-то высшим существом».

Называли В. К. Винберга в семье Винбергов-Карабчевских «белым дедушкой», в то время как Н. П. Карабчевский именовался «чёрным дедушкой» — и по масти, и ввиду страстности и бурности его чрезвычайно талантливой натуры.

В. К. Винберг в 1870-х гг. возглавил Таврическую земскую управу, но в 1881 г. после попытки обратиться к Александру III с предложением ввести конституционное правление в России был арестован и проживал под гласным надзором в городе Юрьеве. В 1890-х гг. он вернулся в Крым и создал образцовое хозяйство в своём имении, а в 1903 г. был избран председателем управы Ялтинского земства, 9 лет процветавшего под его руководством. В 1912 г. он был избран в IV Государственную думу, где и работал до 1917 г.

В крымском имении этого патриарха, именовавшемся Саяни (близ Алушты), и проживал летом его многочисленный род — семь детей с супругами и другими родственниками и бесчисленные внуки. Особенно укоренилась там семья В.А. Оболенского и А.В. Винберга, для которых были построены отдельные дома.

«...Для всего нашего племени Саяни представлялось лучшим местом земного шара. Дети знали и любили в нём каждый уголок, каждое деревце. Когда я приезжал в Саяни... я ощущал себя как бы в другом плане бытия», — писал В.А. Оболенский.

Несмотря на то что революция раскидала членов этого «племени» по всему свету, связи между отдельными его представителями продолжают до сих пор. Так, очень тёплые отношения связывали Аню с её двоюродной бабушкой — Наталией Владимировной Оболенской и троюродными тётей и дядей — Катрин Кильберин-Оболенской и Алексеем Львовичем Оболенским, с дочерью которого Лидией (четвероюродной сестрой) Аня поддерживала дружеские отношения и переписку. Анна посетила их всех во Франции в 1994 г. во время своей самой счастливой и самой последней поездки за полгода до ухода.

В 1997 г. я с женой гостил в Швеции у своего троюродного брата Михаила Сульмана, ныне исполнительного директора Нобелевского фонда в Швеции. Его мать, Зинаида Александровна Яроцкая, внучка В.К. Винберга (одна из тех «детей Саяни», о которых пишет В.А. Оболенский), вышла замуж за Рольфа Сульмана, инженера, работавшего в СССР в конце 1920-х гг., а позднее, после Второй мировой войны, — посла Швеции в СССР.

Нас повезли на дивный остров Бедаро, часть которого принадлежит разветвлённому и очень дружному роду Сульманов, являясь их летним местопребыванием. В ответ на наши восхищённые отзывы об этом месте и содружестве Сульманов Михаил Сульман сказал: «Это всё потому, что мама хотела воспроизвести здесь обстановку Саяни. И это ей удалось».

На фоне всего вышесказанного становятся понятными и все обстоятельства двух событий, предопределивших возможность рождения Ани.

В 1896–1900 гг. В. А. Оболенский, склонявшийся тогда к убеждениям социал-демократического толка, работал земским статистиком во Пскове, где он и познакомился с прибывшим из сибирской ссылки В. И. Ульяновым (Лениным). В. А. Оболенский отдавал должное некоторым выдающимся способностям Ленина, но уже тогда уловил немаловажный изъян в структуре его личности, объясняющий многое и в его политических действиях. «Холодность Ленина к людям бросалась в глаза. Помню, как однажды кто-то мне сказал, что Ленин и Потресов живут “душа в душу”. Я ответил: “Живут они не душа в душу, а голова в голову, так как у Ленина души нет”».

Именно на квартире В. А. Оболенского во Пскове и проходили те совещания социал-демократов, на которых в апреле 1900 г. было решено издавать знаменитую «Искру», из которой, как известно, и возгорелось всё «пламя».

«Помню, как перед отъездом из Пскова (лето 1900 г. — Д. М.) я сидел с Лениным на берегу живописной реки Псковы. Он приглашал меня сотрудничать в “Искре” и объяснял, как пользоваться шифром для переписки с ним. Ключом нашего шифра мы избрали “Ангел” Лермонтова. Насколько помню, этим шифром я воспользовался только один раз, послав корреспонденцию из Орла, а Ленина увидел лишь через много лет, да и то издали, когда он произносил отвратительно демагогическую речь с балкона особняка Кшесинской...»

Однако впоследствии именно Ленину и именно благодаря его псковским контактам с В. А. Оболенским предстояло сыграть особую роль в судьбе нашего рода.

Прошло много лет. В 1920 г., после захвата Крыма большевиками, В. А. Оболенский вынужден был эмигрировать, дабы спасти жизнь двум своим сыновьям, служившим в Белой армии, попавшим в плен к большевикам и только что бежавшим из него. Они не числились

ни в какой воинской части и не имели шанса выбраться из Крыма без помощи отца.

Остальная часть семьи В. А. Оболенского вместе с семьей А. В. Винберга оставалась в Саяни. Все члены этого клана давно организовали «трудовое хозяйство» и жили за счёт работы на сельскохозяйственных угодьях имения. А в Крыму с приходом большевиков начался жесточайший террор, когда без суда и следствия уничтожались ни в чём не повинные люди. И в этих условиях жених одной из дочерей В. А. Оболенского Ирины приехал за ней на парусной фелюге, чтобы увезти её из Крыма за границу. На этом же паруснике в Крым приехал известный монархист В. В. Шульгин. Молодёжь отмечала предполагавшийся отъезд Ирины в доме В. К. Винберга, когда дом был окружён, все находившиеся в нём арестованы и заключены в тюрьму, в том числе и 21-летняя Н. А. Винберг (бабушка Ани), и 84-летний В. К. Винберг. Всё это происходило в 1921 г. во время «Красного террора» в Крыму, вся inferнальная жуть которого встаёт в стихах Максимилиана Волошина, с которым были близко знакомы и бабушка Ани, и её прадед А. В. Винберг («Но в ту весну Христос не воскресал»). «Красный террор» по массовости и жестокости далеко превзошёл ужасы «Белого террора». Целые семьи уничтожались без всякого основания, просто «за происхождение». Всё это было логическим следствием той революции, главным «человекоорудием» которой был Ленин («со товарищи»).

Избежал ареста и тюрьмы, укрывшись в лесных балках, а потом у дружественных татар из аула Биюк-Ламбат, лишь А. В. Винберг, которого бы расстреляли сразу, так как он одно время был товарищем министра юстиции в правительстве Крыма при белых. Он-то и сумел добраться до почты и дать телеграмму в Москву Ульянову (Ленину) о том, что по несущественному поводу арестована семья В. А. Оболенского и им грозит смертная казнь. Из Москвы неожиданно быстро пришла телеграмма, подписанная Лениным, с приказом всех родственников В. А. Оболенского привезти в Москву и объективно

разобраться в обстоятельствах дела. Существенную роль в благоприятной для нашего рода реакции сыграла сестра Ленина М.И. Ульянова. Таким образом, В.И. Ленин оплатил за когда-то оказанную услугу и спас от смерти весь наш клан, в том числе и Н.А. Винберг, что и обеспечило в дальнейшем появление на свет меня и Ани.

Таковы русские истоки Анны, вобравшей в себя многие из тех этнокомпонентов (славянских, скандинавских, греческих, тюркских, немецких...), сплав которых и образует этносы русских и великороссов. И всё это вступило в ней во взаимодействие с сильным потоком еврейской крови, этого бродильного компонента в истории ряда цивилизаций, имеющих средиземноморские корни.

Израиль-Янкель Фаенсон, прадед Ани по линии её еврейского деда, был родом из Швеции, где он занимался торговлей лесом для строительства кораблей. В поисках хорошего и дешёвого леса он перемещается в Польшу, Литву и собственно Россию, поселяясь в Пустошке, на юге Псковщины. Прадеду было около 40 лет, когда он, объезжая леса зимой 1916/1917 г., упал с лошади и умер, оставив свою жену с восьмью детьми. Старшему Иону (Илье), деду Ани, было 15 лет, младшему — 2 года. Революция лишила семью всего имущества, и Анин дед рано начал работать и содержать семью. Он завербовался работать на Север (в Мурманске и окрестностях) и таким образом помог поставить на ноги всех братьев и сестёр. Прабабушка готовила домашние обеды, что также давало небольшой доход. Впоследствии вся семья перебралась в Москву и Ленинград, несколько братьев стали кадровыми военными, окончив различные военные академии.

Ион Израилевич на второй день Великой Отечественной войны пошёл добровольцем на фронт, получил четыре ранения и дошёл до Берлина. После войны работал заместителем начальника цеха на металлическом заводе. Умер И.И. Фаенсон в 1970 г. Отличительные черты деда Ани — трудолюбие, скромность, самопожертвование

и безграничная любовь к трём детям и к своей жене, в девичестве Лии Виткиной.

Мордух-Абе Виткин, прадед Ани по линии её бабушки Лии (Елизаветы), был до революции учителем в еврейской школе и резником в г. Бердянске. После революции он как служитель культа был лишён гражданских прав и подлежал высылке в Сибирь, но был предупреждён бывшим полицейским приставом и бежал в Воронежскую область, где и скрывался долгое время.

Его жена Дора и пятеро детей остались в Бердянске, где в 1918 г. пережили еврейский погром, от которого их спасли, спрятав в хлеву, местные крестьяне. После этого все дети разъехались, скрывая своё происхождение из семьи «служителя культа», в разные города Украины, чтобы получить образование.

Позднее часть этого рода собралась в Воронеже, где прадед Ани после многих лет подполья организовал еврейскую религиозную общину, в которой он был ребе, учитель, резник, а также писал философские трактаты. По его совету православные соседи также организовали христианскую общину — он убедил их, что Бог внутри нас и не обязательно иметь синагогу или церковь, чтобы искренно верить и молиться.

Прадед Абе умер в 1953 г., и день его смерти был заранее обведён им в календаре. Прабабушка Дора умерла через две недели, и день её смерти также был отмечен ею заранее.

Дочь этой пары Лия (Елизавета Марковна) вышла замуж за И. И. Фаенсона и родила троих детей — Любовь, Якова и Регину, из которых старшая, Любовь (Л. И. Фаенсон), вышла в 1961 г. замуж за Д. А. Мачинского и стала матерью Ани.

И вот из этих-то истоков и появилась Анна, несущая в себе всё этническое, сословное, общественное и религиозное наследие обеих генеалогических линий и, что редко в советской, да и в современной России, относящаяся к этому наследию сознательно и ответственно.

Надо сказать, что пишущий эти строки отец Ани жил отдельно от неё с её полутора лет. Однако мудрость

и доброта её матери сделали возможным постоянное и многообразное общение дочери и отца. А в силу дружеских отношений между родителями и освобождённости встреч дочери и отца от серьёзных бытовых нагрузок (в чём также велика заслуга матери) наше общение приобрело необычайную интенсивность и содержательность. Не было таких общечеловеческих тем, которые бы не затрагивались прямо или косвенно во время наших бесед, игр, прогулок, поездок, занятий.

Мои дневниковые записи об Ане, аналогичные записи её бабушки Н. А. Винберг, переписка между Аней и её родителями, черновики Аниных писем к друзьям и письма её друзей к ней, Анин дневник и научные работы — вот документы, которые наряду с воспоминаниями легли в основу «Саги об Анне».

В нижеследующем повествовании внешние вехи жизни Ани даются на фоне жизни внутренней, поддающейся воссозданию с трудом и лишь пунктирно. Я не идеализирую Анну — характер у неё был (для других, не для меня) не самый лёгкий, она временами могла быть резка и страстна.

Но я попытаюсь высветить внешние события биографии проходящим через всю её жизнь лучом врождённой и постепенно обретающей форму религиозности и в этом свете выявить главные, тайные темы её развивающегося сознания — темы Любви, Сына, России и Совести, укоренённые в истории страны и своего рода, и как конкретное выражение соотнесённости с Отечеством и Историей — погружение в занятия археологией древнейшей Северной Руси.

А всё началось, вернее, стало выявляться в возрасте 4–5 лет. В этом возрасте Аня доверяла мне абсолютно, шла за мной в буквальном смысле в огонь и в воду, и вдруг, в возрасте 5 лет, когда я подвёл её к открытой двери церкви (Спасо-Преображенского собора) и предложил зайти внутрь, — отказалась наотрез. Я повторил опыт (на этот раз это был Петропавловский собор) — и опять с тем же результатом, натолкнувшись на то же молчаливое

и уверенное сопротивление, к которому я отнёсся с уважением.

И это при том, что вопросов Веры, а также истории жизни, смерти и воскресения Иисуса в беседах с Аней касался именно я.

Позднее, когда Аня самостоятельно и бесповоротно вошла в Церковь, я рассматривал этот ранний эпизод как смутное, но уверенное предзнание юной души своего особого, отличного от отца религиозного пути. За полтора месяца до её ухода, уже в больнице, я спросил Аню об этом эпизоде, и вот что она мне рассказала (рассказ я записал тогда же). «Очень рано, года в 4, я уже знала, что есть Бог. Но я была не уверена, что об этом знают мои родители. И вот однажды, когда ты пришёл ко мне, я спросила тебя, есть ли Бог. Ты ответил мне по-интеллигентски, что это самый важный вопрос, который каждый человек должен решить для себя сам. Меня это не удовлетворило, я хотела знать, как считаешь ты. В следующий раз ты пришёл и принёс Библию и стал читать мне о сотворении мира. И вот это было то, что надо, и я всё принимала, хотя в то время уже знала об истории Земли, о происхождении человека от обезьяны, но всё это как-то совсем не вступало в противоречие с Библией. А когда ты звал меня в храм, то я знала, что там живёт Бог и мне туда нельзя».

В 6 лет она сочинила сказку с иллюстрациями, которая так поразила бабушку, что та записала все Анины комментарии к картинкам. Сказка называлась «Как меняется время» — о юной королеве Нелли, которая умерла молодой и от которой осталось кресло в музее, на котором сидит другая девочка, и старый дуб в парке, на который смотрит девочка. Этапы «биографии Нелли» поразительно совпадают с Аниными вплоть до неожиданного, никак не обусловленного сюжетом появления «старшей сестры» (о существовании которой Аня не знала и которая действительно появилась в её жизни неожиданно). Сказка надписана Аниной рукой: «папи от Ани».

Кресло в музее из сказки — это, несомненно, кресло в Эрмитаже, где Аня бывала с первых месяцев жизни.

И действительно, в конце жизни она работала в Эрмитаже и у неё было своё место, свой стол и стул в кабинете М. И. Завитухиной в Первобытном отделе — на котором позднее сживали другие молодые сотрудницы.

В 1972 г., в последнее лето перед школой, Аня впервые поехала в места своих предков — в Крым, в Алупку. С нею поехал я (тоже впервые в Крым) и известная исследовательница Ветхого Завета и Кумранских рукописей Клавдия Борисовна Старкова (Анина названная крёстная мать без обряда крещения — возникла в советское время и такая форма духовной преемственности), которая и субсидировала поездку. Там Аня погрузилась в природную и мифологическую атмосферу Средиземноморья (совершались прогулки, рассказывались мифы, читались стихи) и научилась плавать.

Аня с 5 лет занималась в эрмитажной студии живописи у Ольги Леонидовны Некрасовой-Каратеевой, которая так вспоминает об Ане в письмах: «Анечка-ребёнок — это лучезарное существо, полное любви ко всем, это всегда улыбка, восторг, ласковый смех и движение волны тепла от неё. Тогда, на занятиях в эрмитажной студии, она глубоко переживала всё происходящее с нею, рядом с нею, с другими. В разных, по её мнению некомфортных или конфликтных, ситуациях (которые часто случаются в любом детском коллективе) Анечка буквально кидалась для их исправления, всегда выступала миротворцем и утешителем.

Мне нравилось в ней всё — её облик, душа, имя, фамилия. Она любила детей, и они любили её. У Анечки всегда были друзья. Я не помню её в одиночестве. Она жила, воспринимала мир и творила его по-своему и всегда позитивно».

Постоянно занимаясь в эрмитажных кружках, Аня в 1977 г. оказалась в кружке Людмилы Александровны Иволгиной (в первом браке — Юзбашян), ныне — моей жены. Аня занималась в её кружке дважды — в VI классе (1977–1978 гг., искусство Средневековья и Возрождения) и в VIII классе (1979–1980 гг., искусство Франции).

Воздействие личности руководительницы этих кружков создало из занимавшихся в них детей своеобразное содружество, сохранявшееся многие годы. Вот слова самой Ани, написанные на следующий год после окончания последнего кружка: «Завтра иду в Эрмитаж. Сначала казалось — как ни хороша школа, Эрмитаж — главное. Ну а теперь я всё больше и больше удаляюсь от Эрмитажа и эрмитажной компании. А жаль! Всё-таки мне очень не хватает этой атмосферы» (9.XII.1980 г.). «Вчера был день рождения Людмилы Александровны. Поздравляла. Как я её люблю! Как она много для меня сделала!» (20.XII.1980 г.)

А школа, упоминаемая в этих записях, действительно значила многое. Сначала это была 91-я школа на Введенской (тогда — Олега Кошевого) улице, рядом с Аниным домом. Там главной точкой притяжения была Ирина Залмановна Перчонок, классный руководитель и преподаватель литературы, буквально облучавшая детей добром, своим восхищением каждым из них и пониманием лучшего в каждом из них. Затем, с осени 1980 г., это была 27-я школа на 9-й линии Васильевского острова с её очень сильным составом учеников с гуманитарными наклонностями, среди которых у Ани появились друзья.

Приведённые записи — из дневника 15-летней Ани, начатого 9.XII.1980 г. К сожалению, первый дневник, начатый Аней в 13 лет в 1978 г., т. е. в год, когда Аня сама определила свою судьбу, пропал.

«Я очень плакала, когда потеряла свой первый дневник. Казалось, что всё прошлое отошло от тебя и, что самое страшное, стало жить самостоятельно. Боль усугубляло ещё и то, что дневник, возможно, был украден» — с этой записи начинается второй дневник.

Поэтому события 1978 г., определившие многое, восстанавливаются по моим записям, по воспоминаниям и письмам. Именно тогда, в 1978 г., я также (после 25-летнего перерыва) начал вести дневниковые записи. Мои жизненные ритмы и повороты во многом определялись поворотами Аниной жизни.

Аня жила с 1973 г. вместе не только с матерью, но и с бабушкой по матери. Все ближайшие родственники по матери — дядя и тётя с супругами, их дети — два двоюродных брата и две двоюродных сестры Ани — представляли собой единый род, спаянный любовью и чувством родства. Они все вместе отдыхали летом на даче, постоянно виделись в городе. И вот в 1976 г. этот единый организм пришёл в движение. Из-за постоянных ограничений в учении и работе, связанных с «пятым пунктом» в анкетах (национальность), из-за постоянного бытового антисемитизма дядя Ани Яков Ионович Фаенсон в феврале 1976 г. уехал в США. Укоренившись там и обретя известный достаток, он предложил всем своим близким родственникам переехать туда же. Бабушка Ани, Елизавета Марковна, ставила обязательным условием переезд в Америку всей семьёй, со всеми внуками.

С раннего детства я старался дать Ане объективное представление о мире, в котором мы существуем, о стране, в которой мы живём, об истории и особенностях России, о судьбах еврейства в мире и в нашей стране, о современном положении дел. И Аня, и я тесно соприкасались с людьми, деятельно боровшимися с коммунистическим режимом. Мой друг, руководительница Аниного кружка Л. А. Иволгина, принимала участие в деятельности «Фонда помощи семьям политзаключённых» А. И. Солженицына, за что и пострадала впоследствии (её, рождённую выявлять и преобразовать души детей, отлучили от права заниматься с ними в Эрмитаже и перевели в «Отдел учёта и хранения» (и это в то время было исключительно гуманным наказанием, возможным только в относительно гуманной обстановке в Эрмитаже, при хорошем отношении к Л. А.). Другая любимая Анина преподавательница, И. З. Перченок, имела отношение к изданию альманаха «Память», где печатались разнообразные материалы по скрываемой и фальсифицируемой большевиками недавней и настоящей истории России. Всё, что я — без нажима — пытался передать Ане, всё, что она слышала от своих преподавателей и друзей, она впитывала и критически переосмысляла

в себе. Я был уверен в её информированности, и в её уме, и в твёрдом ядре её формирующейся личности.

Поэтому, когда меня спросили, не возражаю ли я против отъезда Ани, я ответил, что не возражаю, но с одним условием — если Аня сама будет согласна на это. Кажется, это единственное условие не было достаточно серьёзно воспринято.

Зимой и весной 1978 г. я много болел и находился в больницах. Вскоро мне сообщили, что Аня согласна ехать. Я считал это вполне разумным ввиду казавшегося неизбежным и бесконечным советского режима и стал готовиться к тому, чтобы прощание Ани с Россией было запоминающимся. В мае 1978 г. ко мне в больницу пришла Аня. Я завёл с ней разговор о том, как она встретится в Америке со своими любимыми братьями и сёстрами, и вдруг увидел полные слёз глаза. Через некоторое время разговор снова зашёл об Америке — и опять тихие слёзы. Я: «Аня, но ведь мне сказали, что ты согласна ехать?» В ответ: «Меня никто не спрашивал. Мне сказали, что здесь всё равно нет никаких возможностей для евреев, что я должна ехать из-за мамы и всех близких, и я согласилась». Я: «А сама ты хочешь ехать?» Аня: «Нет. Я не люблю ту страну».

Тогда я сказал: «Анечка, клянусь тебе, что без твоего желания никто никогда не увезёт тебя из России. Но ещё есть время, и ты должна решить этот вопрос сама. И сама сказать родственникам, что ты не хочешь ехать. А я тебя полностью поддержу».

В мае 1978 г. Л. А. Иволгина со своим кружком ездила в Ивангород. И Аня нашла там металлический крестик XVII в. «Я подумала тогда: это *твой крест*, Анечка... — ты останешься в России», — вспоминает руководительница кружка.

Летом 1978 г. я всё же ездил с Аней в Пушкинские горы, на Валдай, купаться в Солнечное, на побережье Финского залива, гулял с ней напролёт в белые ночи — чтобы всё запомнилось.

Во время поездки на Валдай, когда мы проезжали мимо Новгорода, я забрал микрофон у экскурсовода и рассказал

о древнейшем прошлом этих мест, о славянах, финнах, о варягах, о Рюриковом городище, с которого позднее и началась Анина археология. На Валдае, в номере гостиницы г. Осташкова, Аня спросила меня: «Хочешь, я прочту тебе моё любимое стихотворение Марины Цветаевой?» — «Хочу», — сказал я, поражённый: Аня никогда не читала мне вслух стихов, хотя я знал, что она любит и понимает поэзию.

Вот некоторые строфы из прочтённых ею стихов:

Но тесна вдвоём
 Даже радость утр.
 Оттолкнувшись лбом
 И подавшись внутрь,

(Ибо странник — Дух,
 И идёт один),
 До начальных глин
 Потупляя слух —

Над источником,
 Слушай-слушай, Адам,
 Что проточные
 Жилы рек — берегам:

— Ты и путь, и цель,
 Ты и след, и дом.
 Никаких земель
 Не открыть вдвоём.

В горний лагерь лбов
 Ты и мост и взрыв.
 (Самовластен — Бог
 И меж всех ревнив.)

.....

Берегись! Не строй
 На родстве высот.

(Ибо крепче — *той*
 В нашем сердце — *той*.)
 .....

От вчерашних правд
 В доме — смрад и хлам.
 Даже самый прах
 Подари ветрам.

Над источником
 Слушай-слушай, Адам,
 Что проточные
 Жилы рек — берегам:

— Берегись...

Аня всегда находилась в потоке интенсивного общения с множеством людей, но тайно и постоянно в ней жил и ждал своего часа «одиночества верховный час» (Цветаева).

Чтение этих стихов решило всё. Мне подумалось: «Если ты в 13 лет больше всего любишь такие стихи — то оставайся в России».

Но я хотел, чтобы последнее слово сказала сама Аня. В августе 1978 г. мы ехали в поезде к моей маме, жившей в Васкелово, по Финляндской ж. д., на даче у своей давней подруги Татьяны Григорьевой, жены Павла Эмильевича Мандельштама, родного брата Поэта. Я спросил Аню: «Ты хочешь остаться из-за меня?» — «Не только из-за тебя». — «Анечка, у нас впереди час езды. К концу поездки ты мне скажешь своё решение». Она тихо проплакала этот час, смотря в окно, потом повернулась ко мне: «Можно я остаюсь?» — «Всё решено. Ты никуда не поедешь».

Предстояло объяснение, а потом и расставание, как тогда представлялось, навсегда — с любимой бабушкой, тёткой, дядей, братьями и сёстрами, Аня знала, что она подводит маму, которой по ряду обстоятельств надо было ехать и которая уже обещала это своим родственникам. Бабушка была просто в отчаянии.

Анина тётка Регина Горелик, с которой меня связывали многолетние дружеские отношения, не могла поверить, что в таком вопросе можно полагаться на решение 13-летней девочки. Тогда гремело дутое дело о якобы пойманном с поличным шпионе Натане Щаранском (позднее — глава «Русской партии» и одно время министр внутренних дел в Израиле). Я спросил Регину и её мужа: «Что вы знаете о деле Щаранского?» — оказалось, что они не знают ничего. «А Аня знает всё. И она знает всё о том, как евреям трудно в СССР. И она знает, какая страшная и лживая система в стране. Она знает всё, она знает, на что остаётся, и вопрос решён». Мы расстались холодно.

Спустя 11 лет Аня поехала в Америку в гости к родственникам. Принимали её великолепно, она увидела многое, и многое ей понравилось. Когда она вернулась, я был в напряжении. Аня сказала мне: «Отец! Не смотри с такой мукой. Мы всё сделали правильно. Туда надо ездить, но там жить нам не нужно».

А ещё позднее, в 1994 г., на поминании в столовой Эрмитажа, в день прощания с Аней, её приехавший из Америки дядя Я. И. Фаенсон сказал: «Увидев, как здесь прощаются с Аней, услышав всё сказанное о ней, я скажу: Аня правильно сделала, что осталась. Никогда в Америке она бы не прожила такой насыщенной жизни, как здесь».

Но и кроме 1978 г. ещё дважды в жизни судьба испытывала Аню возможностью отъезда на Запад. О втором испытании я узнал только после её ухода из её дневника — но об этом несколько позднее.

После того как в начале осени 1978 г. тема отъезда отпала окончательно, я почувствовал особую ответственность за будущее Ани и стал внимательно прислушиваться к её ещё скрытым возможностям и наклонностям. Вот запись от 26 марта 1979 г.: «Сегодняшний день примечателен — поездка с Аней в Павловск — ранневесенний лес, проталины, набухший снег. Разговор с Аней, определивший наши планы на её судьбу в ближайшие четыре года». «На четыре года» означало: последние три года школы и поступление в вуз. К этому моменту колебание было

только между литературоведением (филологический ф-т ЛГУ) и историей (исторический ф-т ЛГУ). Аня сказала: «Литература — слишком душа, чтобы делать её профессией» — и вопрос был решён в пользу истфака.

Думается, не случайно Аня, будущий историк-археолог, в 1978 г. на итоговом вечере эрмитажного кружка на тему «Западное Средневековье в русской поэзии», сжав кулачки и смотря поверх всех куда-то в пространство, читала стихи О.Э. Мандельштама:

Я не слыхал рассказов Оссиана,
Не пробовал старинного вина,
Зачем же мне мерещится поляна,
Шотландии кровавая луна?

И перекличка ворона и арфы
Мне чудится в зловещей тишине;
И ветром раздуваемые шарфы
Дружинников мелькают при луне!

Я получил блаженное наследство —
Чужих певцов блуждающие сны;
Своё родство и скучное соседство
Мы презирать заведомо вольны.

И не одно сокровище, быть может,
Минуя внуков, к правнукам уйдёт,
И снова скальд чужую песню сложит
И как свою её произнесёт.

В седьмом классе Аня занималась в кружке по русской истории у Б.Ю. Матвеева (ныне зам. директора Гос. Эрмитажа). На итоговом вечере весной 1979 г. Ане была поручена роль «России» в пьесе «Слава Российская», написанной для коронации Екатерины I. Я тогда шутил, что не помешала бы Ане справка о том, что она исполняла роль «России», при поступлении на истфак ЛГУ, где тогда еврейство по матери было труднопреодолимым препятствием.

Зимой 1978/1979 г. Аня написала конкурсное сочинение о наблюдаемой ею зависимости (в построении сюжета, в типажах и взаимоотношениях героев) «Капитанской дочки» А. С. Пушкина от «Роб Роя» Вальтера Скотта. Сочинение получило диплом первой степени на школьной олимпиаде. Справки, наведённые у знакомых пушкиноведов, подтвердили достаточную оригинальность Аниных наблюдений. В концовке Анна писала о том, что Пушкин, отлично знавший, сколь ужасен «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», сознательно или бессознательно романтизировал Пугачёва по европейским образцам, как бы заговаривая весь хаос и ужас, присутствующий в российской истории.

После восьмилетки Аня поступила в 27-ю школу с гуманитарным уклоном. Сохранилась подаренная мной книжечка «Поэзия скальдов» с надписью: «Моей умнице по случаю окончания восьмилетки в год 1979/1980, когда окончательно определились твои наклонности. 17.VI.80 г. Твой папа».

Летом 1980 г. Аня едет с мамой в Воронеж, где встречается со своими еврейскими родственниками. Особенно содержательной была встреча с двоюродным дедом Давидом, чрезвычайно образованным и глубоко религиозным (в иудейской традиции) человеком, написавшим трактат «Я верую», который он дал читать Ане, беседовавшей с ним на религиозные темы. Однако рубежом или поворотом в религиозном развитии Ани эта встреча не стала.

Двухлетнее пребывание (1.IX.1980–26.VI.1982) в 27-й школе – внешне единый и цельный период в биографии Ани. Однако во внутренней её жизни он отчётливо разделяется на две части июлем–августом 1981 г., когда точнее обозначилась область её будущей профессии и произошёл решающий возврат к истокам её религиозного мировосприятия. Посему в дальнейшем повествовании о различных линиях душевной жизни Анны означенного периода я буду отмечать этот рубеж, цитируя отрывки из её дневника.

В конце 1980 г. Аня пыталась писать повесть с элементами автобиографизма. Вот что говорит один из её героев о главной героине: «Она не разменивалась на мелочи, не стремилась помочь всем во всём — в своей мудрости она понимала, что это невозможно. Она излучала свет и добро. Встреча с ней была для нас всех счастьем» (10.XII.1980 г.). Судя по всему, речь идёт об уже ушедшей из жизни...

А вот — прямо о себе: «N (юноша, которого Аня полюбила) сказал, что его привлекает чистота моей души. Если эту чёрную мутную душу можно назвать чистой, то я балерина» (18.XII.1980 г.).

Литературная жизнь школы в учебном году 1980/1981 шла под знаком поэзии А. Блока — ставилась драма «Роза и крест». Аня выбрала темой сочинения цикл «На поле Куликовом». «Отцу сказала — поорал маленько, что не по зубам тема, а теперь работать заставляет» (9.XII.1980 г.).

«По “Куликову” — авось отец подкинет материалов. Откуда я знала, что тема — отцовская. Не хочу писать, а оторваться не могу» (11.XII.1980 г.).

«Решила подойти к “Куликову полю” как историк, на стыке истории и литературоведения» (17.XII.1980 г.).

«Господи, прости! Я не могу писать. Блок мне не близок. Пушкин мне ближе» (20.XII.1980 г.).

«Снова над “Куликовым”. Первые 3 стих-я цикла. Идея вечной битвы, происходящей постоянно, параллельно нашей жизни, нашей истории, не об этом ли говорила Людмила Александровна, что люди Средневековья воспринимали события раннего христианства происходящими вечно, параллельно их истории. Писать я об этом не буду, но отцу скажу» (26.XII.1980 г.).

И — тема Польши, отчасти потаённо тоже связанная с Блоком: «Смотрела “Пепел” Вайды. Сердце обливается кровью при мысли о Польше. Боже, как несчастен этот народ! Почему я чувствую такую сопричастность именно Польше? Кровь — глупости. Братство славян — вздор, его никогда не существовало и не будет существовать. У меня есть мечта — выучить польский язык... Надо выучить хотя бы один славянский язык» (17.IV.1981 г.).

И в декабре 1981 г., когда силы польской Госбезопасности по указанию Москвы штурмом брали штаб «Солидарности» в Варшаве и громили её опорные пункты по всей Польше, — запись:

«Весь мир казался мне Варшавой» (16.XII.1981 г.). Это — точная цитата из первой редакции поэмы Блока «Возмездие», имевшей первоначальный подзаголовок «Варшавская поэма». В первоначальной редакции уже явно присутствуют мотивы ответственности России за судьбу Польши и назревающего исторического возмездия («Мечь, мечь — в холодном чугуне / Звенит, как эхо, над Варшавой»), которые в окончательном — до конца не осуществлённом — замысле поэмы перерастают в тему «Возмездия» как основного лейтмотива человеческой истории. Несомненно, этот круг ассоциаций и подразумевает Анина запись...

Я подошёл к глубоко личной и сокровенной теме той первой любви Анны, которая затронула все уровни её души, выявила основные её «архетипы», — и лишь поэтому я осмеливаюсь осторожно коснуться этого. Оговорюсь — я не уверен, что объект её любви (условно — N) переживал ситуацию так же интенсивно, как Анна. Темы Любви, Ребёнка (особенно — Сына), Возлюбленного (иногда на время подменяющие высшие образы религиозного сознания) переживаются Женщиной, как правило, глубже, чем Мужчиной. В случае Анны в тему Любви оказалась вплетённой и двуединая тема Судьбы и России, ответственности и даже вины за исторические пути Отечества. Несомненно N для своих 18 лет был личностью развитой и многосторонне одарённой. Однако в каких своих поступках он был серьёзен, а где начиналась игра — это определить было трудно, полагаю, и ему самому.

Знакомство с N состоялось ещё зимой 1979/1980 г., когда Аня училась в 8-м классе. Уже весной Аня была всерьёз влюблена. В декабре 1980 г., незадолго до 16-летия Ани N сказал, что любит её. После празднования Нового года у Ани она написала в дневнике: «он сказал, что женится на мне (самому 18 лет)!» (7.I.1981 г.).

Чтобы понять всю подлинность и силу той душевной бури, которой Аня ответила на довольно безответственные дальнейшие демарши молодого человека, необходимо сказать о чрезвычайно рано возникшей у Ани мечте о ребёнке, точнее — о Сыне. Она чувствовала, что ей надо спешить, — и боялась не успеть.

Вот запись, продолжающая предыдущую: «Я хочу вернуться к образу жизни до встречи с Юкой (в 13 лет — любимая подруга, к 15 годам они разошлись. — Д. М.), т. е. никаких друзей, никаких общений, никакой личной жизни — только книги и одиночество. Мне постоянно снятся странные сны. А я, наверно, люблю N — но не так, как раньше. Я хочу жить, любить, родить ребёнка, я не хочу жить в мире ужасов и ходить по черте между жизнью и смертью. Я просто баба — и точка» (7.I.1981 г.).

И уже после окончательного расставания с N в конце 1981 г.: «В каждом парне вижу (подсознательно) отца своего будущего ребёнка» (13.I.1981 г.).

«Хочу ребёнка, сына. Всё равно, от кого, это будет мой ребёнок, Димка, конечно, в честь моего отца» (14.IV.1982 г.).

Также надо помнить, чем были конец 1980–1981 гг. в жизни нашей страны — начало и разрастание жестокой и бессмысленной войны в Афганистане, ссылка протестовавшего против неё А. Д. Сахарова в Горький и издевательства над ним, разгром демократического движения в Польше, маразмизирующий Брежнев во главе страны.

На фоне вышесказанного обратимся к дневнику: «Всё это время боялась себе признаться, что с тех пор, как встретила с N, перестала верить в бога. Видимо, моё сердце слишком мало, чтобы вмещать и любовь к богу, и любовь к N. N стал моей религией. Я молюсь на него, но всё же он человек. Мне одновременно хочется встать перед ним на колени и ударить его по лицу, а перед Богом — только на колени. То, что Бог отошёл от меня или я от Бога, — страшно. Начинаешь себя чувствовать одиноко во Вселенной» (16.II.1981 г.). (В начале записи «бог»

с маленькой буквы, как писали в СССР, в конце — с большой: «Бог».)

И далее — об отдалении от одного круга своих товарищей: «мы разошлись всё-таки в разные стороны. Они — в сторону интеллигентского обывательства с лёгким фрондированием и, главное, — с уходом от сложностей. Я же пошла по тернистому и всегда непроторённому пути одиночки, познания мира в одиночестве. Мне безумно хочется общения, но не такого и не на таком уровне» (16.II.1981 г.).

«Никого у меня нет, что мне делать? Я продолжаю рубить мосты, обрывать всякие связи с миром, уходить в себя. Я смела — я отсекаю пути к отступлению, я труслива — я воздвигаю вокруг себя стены.

Господи! Помоги!» (9.III.1981 г.).

И вот в этот момент от N пришло письмо, написанное 15.III, с вполне серьёзно сформулированным предложением стать мужем и женой, если нужно — подождав до наступления восемнадцатилетия. Аня не была склонна принимать его предложение всерьёз, но записала в дневнике: «Боже, страшно подумать, неужели я буду старой девой, неужели у меня не будет ребёнка! Я ведь создана для любви! В любви вся моя жизнь».

Происшедшее далее и реакция на это Ани отчасти объясняется тем, что отъезд из России на Запад был для Ани большой темой и легко осуществимой реальностью.

«Пришёл N. Произошло окончательное объяснение. Он считает, что надо отсюда смываться и поскорей. Я вначале вроде согласилась — куда же я без него. И опять встал выбор — он и отец. Но он стал говорить: “У нас будет ребёнок...” — и судьба моя решена. Я пойду за ним хоть на край света...»

Но далее: «Моя жизнь, моя судьба принадлежат России, и тут судьба моя (России) и N расходятся. Вот и всё. Нельзя придавать моим отношениям с N того фатального значения, которое им придаёт он сам».

«...Без России я буду не человек. Я буду существовать, а не жить. Здесь место моего рождения и моей смерти.

А там меня постоянно будет мучить совесть, чувство вины, которое ни на минуту не оставляет меня и сейчас, обострится, превратится в постоянную физическую боль, открытую рану. Нет, не могу.

Бедная моя страна! Непознанная и непознаваемая. Люблю тебя, быть может, даже сильнее его.

Ну, дели между тремя любимыми:

любимый,

отец,

Россия.

На одной стороне любимый, на другой — отец и Россия. И я выбираю вторую сторону. Отец и Россия заменят мне любимого, не совсем, конечно. А тебя я буду любить, но не пойду за тобой. Вот так» (7.V.1981 г.).

Всё это вылилось в письмах к N:

«Женой твоей я не буду. То есть не имею права ею быть. Пойми: не не хочу (быть твоей женой — предел моих желаний), а не имею права».

«Я останусь здесь — на всю бесполезную муку, на смерть, на горе. Моё место здесь, в России. Мой извечный интеллигентский грех перед ней я могу искупить только страданием. Я буду страдать вместе с ней и умру вместе с ней... И сына рожу здесь. Пусть искупает наш вечный грех. Вот так. А на лёгкую жизнь и свободу я за тобой не пойду».

Вся неразрывная сроднённость с Россией, вся русская родословная Анны, воспринятая ею как часть самоё себя, говорят в этих фрагментах её «потока сознания». Для Ани страна, где она живёт, внутренне именовалась «Россия», никогда «СССР». Судя по всему, она считала интеллигенцию и, в частности, некоторых членов собственного рода ответственными за создание предпосылок возникновения преступной государственной машины и, не отказываясь от дорогих ей «интеллигентских корней», брала на себя ответственность за всё произошедшее и происходящее с Россией.

Так, в мае 1981 г. Аня ещё раз осознала болевую соотнесённость со своей страной и ещё раз приняла решение.

О степени напряжённости пережитой внутренней драмы не знали ни родители, ни товарищи.

В том же мае 1981 г. (после объяснений с N) Аня попросила меня устроить её на работу летом в археологическую экспедицию. Я предложил ей поехать в одну из южных экспедиций, например в Крым. В ответ: «Нет, в экспедицию на северо-западе, изучающую Древнюю Русь». Хотелось отправить её на раскопки в Старой Ладогe, к Е. А. Рябинину, но в тот год он не копал там. Тогда я обратился с просьбой в Е. Н. Носову (ныне директор ИИМК РАН) — и он любезно согласился взять девочку на раскопки «Рюрикова городища».

В июне Аня со всем классом уехала в Пушкинские Горы, где окрепла намечавшаяся ранее дружба с Сергеем Булацевым (ныне — известный японист) — ближайшим другом Ани на все последующие годы.

А в июле Аня едет на раскопки второй после Ладоги столицы Руси — «Рюрикова городища», в дивное место, где на холме возвышаются над Волховом руины церкви Благовещенья, откуда видны и Новгород, и церковь Спаса-Нередицы, и Георгиевский собор Юрьева монастыря, и языческое урочище Перынь, и Ильмень. По воспоминаниям Е. Н. Носова, Аня приехала на раскопки неуклюжим домашним подростком, которому приходилось всему обучаться впервые. По окончании раскопок на городище Е. Н. Носов на машине отвёз Аню на побережье другого озера — Чудского, где около деревни Залахтовы производила раскопки курганного могильника древнерусского времени его жена — Н. В. Хвоцинская, и представил ей Аню со словами: «Это Аня Мачинская, очень мудрая девочка». Раскопки происходили в пустынном месте, в лесу. Побывала Аня там и в разведке археологических памятников, испробовав в один сезон разные виды археологических исследований.

«Я здесь в лесу очень отдыхаю. За это лето я здорово поправила себе нервы — работа удивительно успокаивает», — писала она мне из Залахтовы.

Так в 16 лет Аня по собственной инициативе начала свой путь познания истоков той «непознанной и не-

познаваемой» России, ради которой она к тому времени уже двукратно отказалась от благополучной жизни в Штатах*.

Но летом 1981 г. во время пребывания в археологической экспедиции произошло нечто и в самой глубине её души. Вот скупая дневниковая запись 24.IX: «На судьбу мне роптать в общем нечего — этим летом, в лесу я возвратилась к Богу. Это великое счастье для меня».

Так с того лета в постоянном взаимодействии жили и развивались и приникание к российской земле, слушание её, выраженное в занятиях археологией, и тайна её личной религиозности, облекшейся в одежды русского православия.

Неизвестно, когда и где Аня прошла через таинство крещения. Ни родные, ни друзья не знают об этом ничего определённого. По воспоминанию матери, однажды она обмолвилась, что крещение её произошло при необычных обстоятельствах. Не произошло ли это тем же летом 1981 г. в какой-нибудь сельской церкви или часовне? Вероятно, это было вне Ленинграда, иначе бы она пригласила быть крёстной матерью К. Б. Старкову, свою «названную крёстную», а этого не произошло. К весне 1983 г. она уже была, по воспоминанию её близкой подруги и сокурсницы О. Боголюбовой-Сенаторовой, православной христианкой. Крещение Ани было её тайной. Своими именинами она считала 16 февраля, день поминания Анны Пророчицы.

С осени 1981 г. некоторые прежние темы видятся ей несколько по-иному. Из дневника за 15.XI.1981 г. о стихотворении Блока, кончающемся так:

Христос! Родной простор печален!
Изнемогаю на кресте!

---

* Это событие стало поворотным пунктом в моей жизни в науке. С 1981 г., поняв, куда направляются интересы моей дочери, я форсированно переключаясь с темы скифского искусства и мировоззрения, а также прародин и миграции славянства на тему сложения этносоциума «русь» и первичного русского государства в Ладожско-Ильменском и Чудском бассейнах.

И чёлн твой — будет ли причален
К моей распятой высоте?

(1907)

«В стихотворении “Когда в листве сырой и ржавой...” Блок не имеет уверенности в Христе как в абсолютной истине, добре, благодати. “Ладони, пробитые гвоздём” — сверхчеловеческая примета в христианском каноне, здесь символ человеческого страдания и боли.

Христос — уже мерило для Блока в 1907 г. Блок повторяет крёстный путь — путь познания (в данном случае — родины). Многое видно с этого высокого креста — но к решению и нахождению истины и благодати, и гармонии крёстный путь Блока не приводит. “Изнемогаю на кресте!”

И даже Христос, плывущий к Блоку, не даёт ему уверенности в приходе и благодати, и гармонии.

Христос, который должен быть, и в данный момент плывущий к Блоку, — разные.

Христос и Блок на одной степени сомнения».

Не сомневаюсь, что многие товарищи и родственники не узнают ту Аню, которая живёт и говорит в этом повествовании. Они преимущественно знали Аню обыденную, соприкасаясь и с теми, свойственными почти всем, уровнями её личности, которые она сама назвала «чёрной мутной душой». Но я уже тогда, с зимы 1980/1981 г. уверенно знал другую Аню. «Вчера я получил от Ани её фотографию, фотографию её уже сбывшейся, но ещё лишь обретающей форму выражения души» (Мой дневник. 16.I.1981 г.). Этот фотопортрет Ани на пороге 16-летия я в 1981 г. обычно ставил перед собой, когда работал над темами, представлявшимися мне значительными. А за 9 дней до цитированной выше записи Ани о Блоке, 6.XI.1981 г. я написал в дневнике: «Хочу записать благодарность Богу за Аню. За то, что она такая. И ещё чувствую грех за Марину, (моя старшая дочь, с которой я тогда не виделся).

Летом 1982 г. Аня поступила на исторический факультет. На дневное отделение её, естественно, не приняли,

но на вечернее она прошла. Когда через год я предложил ей перейти на дневное (что было тогда реально), она ответила: «Не надо, я не хочу ничем быть им обязанной». «Им» — означало всю ту советскую систему, которая в мировоззренческих основах своих была для неё неприемлема (хотя в частности в школе она ещё шла иногда на вынужденные компромиссы с ней). Она училась и работала в Музее истории Ленинграда, в библиотеке истфака, водила обзорные экскурсии по Эрмитажу. На первом курсе Аня написала курсовую работу «О происхождении некоторых татищевских сведений», подтвердила свои потенциальные данные прирождённого историка (см. статью в первых «Чтениях» памяти Анны, 1995 г.).

Летом 1983 г. она поехала в экспедицию Е. А. Рябининой, надеясь попасть на раскопки в Старой Ладогe, однако тем летом экспедиция работала на Сойкинском полуострове, на южном побережье Финского залива. В этом сезоне она встретилась в экспедиции с С. Л. Кузьминым («Кузей»), в дальнейшем — её ближайшим товарищем, генератором ряда идей по историческому осмыслению раннесредневековых археологических материалов Северо-Запада, её соавтором по ряду статей.

Летом 1984 г. в составе экспедиции Е. А. Рябининой она оказалась в Старой Ладогe, где уже в 1985 г. участвовала в исследовании знаменитого кузнечно-ювелирного комплекса, когда были получены те спилы древних брёвен, которые позволили достаточно точно определить дату начала непрерывного строительства и жизни на «Земляном городище» первой столицы Руси — 753 г. С этого времени все её полевые сезоны на Северо-Западе протекали в основном на берегах Волхова и Сяси, неподалёку от южного побережья озера Ладoga. Так через последовательное движение в сезоны 1981–1985 гг. от Ильменя к Чудскому и через Финский залив к Ладогe свершилось породнение Анны с колыбелью первичной Руси — краем «Великих озёр» Северо-Запада.

О раскопках Ани 1987–1990 гг. на городище у с. Городище на Сяси, об отождествлении его с Алаборгом

скандинавских саг, об исследовании всего комплекса памятников, связанных с этим городищем, можно прочесть в одной из её статей [8]. Эти первые самостоятельные раскопки Аня начала в составе экспедиции В. А. Назаренко под присмотром своего университетского руководителя В. А. Булкина. На её раскопе в 1987 г. по несколько дней работали приехавшие на раскопки Т. Н. Джаксон, Т. В. Рождественская, Л. А. Иволгина и А. Е. Мусин. В 1989 г., даря Ане свою (в соавторстве с Т. Н. Джаксон) статью об Алаборге, я подписал её так: «Анечке на память о блаженных днях Алаборга». Аня ездила на различные историко-археологические конференции сначала вместе со мной, а затем без меня, обычно вместе с С. Л. Кузьминым, совместно с которым и по его инициативе она стала работать над новой системой археологической хронологии Старой Ладogi. Несколько её работ написаны в соавторстве и со мной, но она стала вскоре тяготиться этим и особенно ценила свои самостоятельные статьи. «Ты не знаешь, как трудно было освободиться от твоего влияния», — сказала она мне однажды.

В свою первую университетскую осень Аня записала на бумаге незаконченное письмо к Булату Окуджаве, которое в основном сложилось ещё в конце 1980 г., ей было 15 лет. Вот оно:

«Глубокоуважаемый Булат Шалвович! (Зачёркнуто. — Д. М.)

Я отлично понимаю, какое это дурацкое начало для письма, но как по-другому начать, не знаю.

Письмо моё бездумное и бесполезное и только отнимет у Вас время — заранее извиняюсь. Есть только одно обстоятельство, которое смягчает мою вину перед Вами, — я пишу потому, что не могу не писать. Письмо это я начала составлять в мыслях, когда 3 года назад прочла “Путешествие дилетантов”. Видите, сколько времени я сдерживалась. Два месяца назад — “Глоток свободы”, и вот прорвало.

Во-первых, на всякий случай, что такое “я”. Мне 18 лет, родилась и живу в Л-де, я библиотекарь. Учусь на истфаке ЛГУ, на веч. отд. Специальность моя от XIX в. — археология.

Но заранее оговариваю, что письмо пишу не от себя, а от нас. Мы — это наше поколение 1964–1965 гг. рождения. Приметы наши Вы знаете — джинсы, “хипповая” одежда, гитара, песни во весь голос, автостоп, вечное безденежье, сборища, выпивка, ранние браки, ранние дети и т.д. Небольшой культ Высоцкого — культов, вообще-то, не признаём. Ещё один культ — Эрмитажа — мы привязаны к музею всем своим существом.

Это письмо — признание в любви к Вам. Потому что Вы — один для нас, раз и навсегда, несмотря на то что у нас на стенах висят фотографии Высоцкого. Без Вас мы не были бы теми, чем мы являемся сейчас. Вы — то единственное чистое, верное, на что можно надеяться в нашем переменчивом времени. Вы не предадите...»

Иногда, когда я приходил к Ане, она молча ставила пластинку с новой вещью Окуджавы, и мы так же молча слушали. Окуджава стал для Ани свидетельством, реальным проявлением присутствующей во вселенной Души, трепещущей, любящей, надеющейся и прозревающей.

В сентябре 1983 г. происходит первая встреча Ани с её старшей сестрой Мариной Мачинской, с которой я — не только по своей вине — не общался напрямую 19 лет, хотя и следил на расстоянии за её движением по жизни.

10 июня 1984 г. из жизни уходит Анина бабушка Н.А. Винберг, так много передавшая Ане по ряду линий преемственности. И вскоре после этого, в середине 1980-х гг., возникают прямые контакты Ани с другими старейшими представительницами её рода по «русской» линии. В апреле 1985 г. я с Аней и её сестрой Мариной еду в Москву, где мы встречаемся и беседуем с приехавшей из Парижа Н.В. Оболенской и живущей в Москве Е.Н. Шишмарёвой, т.е. соответственно с двоюродной и троюродной бабушками моих девочек, а также с мужем Е.Н. Шишмарёвой, известным авиаконструктором Л.Л. Кербером. Провожая нас, Н.Е. Оболенская с болью сказала: «Неужели они никогда не смогут приехать и погостить у нас?» Да, в апреле 1985 г. такое путешествие

ещё представлялось малореальным. Во время этой поездки Аня и Марина окончательно почувствовали себя сёстрами и в дальнейшем часто называли друг друга: «сестра Аня», «сестра Марина».

А в 1986 г. посетили двоюродную прабабку Ани, Ольгу Петровну Тарасову, которой тогда было 103 года. О. П. в молодости помогала крестьянам голодающей Херсонской губернии, затем вступила в партию эсеров, сидела при царе за революционную деятельность 9 месяцев в Петропавловской крепости, была в ссылке в Архангельской губернии, а при большевиках получила 10 лет лагерей в 1937 г. Сохранила всю природную, лучезарную доброту, полную память обо всём, свидетельницей чего была, невероятный интерес ко всему, происходящему в мире*.

В 1986 г. она уже большую часть времени лежала. Мы заранее сообщили о своём приезде, и, когда вошли в прихожую, вдруг услышали шаркающие шаги и голос: «Нет, Верочка (её дочь. — Д. М.), веди меня, веди, я хочу скорее увидеть их...». И к нам вышла, опираясь на руку дочери, иссохшая старушка с глазами, из которых лучился такой свет, такой интерес, такая интенсивность жизни... Она схватила Аню (которую видела впервые) за руку, впиалась в неё взглядом (вникая в её суть и ища фамильные черты) и выдохнула: «Я люблю тебя в пятом поколении...»

Потом прилегла, мы сели рядом, и О. П. сказала: «Меня так беспокоит то, что происходит с этим миром...» Потом — о том, какую важную роль в формировании её личности сыграла её старшая двоюродная сестра О. А. Карабчевская (прабабка Ани). Аня сидела потрясённая, держа её за руку и погружаясь своим взглядом во взгляд Ольги Петровны.

В университетские годы и после них неуклонно и по-таённо продолжается религиозное развитие и само-

---

* О том, какой опорой и поддержкой для солагерников была О. П. Тарасова, см. в книге Т. В. Петкевич «Жизнь — сапожок непарный». СПб., 1993. С. 310–332.

определение Анны. Дневника за эти годы нет, в письмах она этой сферы не касалась, так что полагаюсь на свои записи бесед с нею и на воспоминания — свои и О. Боголюбовой. Соотнесённость с Высшим и Глубинным была и остаётся сокровенной тайной Анны. «Духовное одиночество — основное свойство моей индивидуалистической натуры», — писала она в дневнике ещё в 16 лет. Поэтому ниже я буду повествовать лишь об относительно внешних и фрагментарных проявлениях её религиозности.

С 1985–1988 гг. устанавливается определённый ритм празднования двух главных христианских праздников. Обычно Рождество мы отмечали у меня вечером 24 декабря. Естественно, Аня ходила в церковь на православное Рождество, но в кругу близких мы отмечали его по общечеловеческому календарю. «В этом они (католики и протестанты. — Д. М.), видимо, более правы», — сказала однажды Аня. А Пасху мы отмечали православную, и Аня утром, после Всенощной обычно заезжала ко мне с куличом, пасхой и расписанными ею яйцами. Стало обычаем на Рождество читать стихи Иосифа Бродского «В Рождество все немного волхвы» («24 декабря 1972 г.») и «Сретенье», написанные поэтом в год его отъезда из России (1972). Присутствие Ани придавало этим праздникам ещё большую религиозную наполненность.

Её религиозное чувство жаждало дисциплины и действия. На последнем курсе в 1987–1988 гг. Аня вместе с сокурсницей О. Боголюбовой стала по воскресеньям регулярно ездить на работы по восстановлению церкви Св. пророка Илии и Св. Александра Невского на Пороховых (построена в 1782–1805 гг.). Когда однажды подруга предложила пропустить одну поездку, Аня сказала: «Что ты! Это же моя жизнь».

В 1988 г. Аня заканчивает истфак ЛГУ и с сентября этого года работает в Эрмитаже на ставке уборщицы, хотя реально исполняет обязанности лаборанта в Отделе первобытной культуры.

На Рождество 1988 г. Аня дарит мне изготовленную ею из простейших материалов фигуру ангела, которая и ныне освящает комнату, в которой я пишу. Такой же ангел, подаренный Анной, живёт и у родителей А. Мусина, близкого её товарища (ныне дьякон, кандидат богословия и доктор исторических наук, преподаватель Духовной академии, изгнанный оттуда за мужественную и самостоятельную позицию по одному важному вопросу церковной жизни).

Летом 1989 г. Аня едет к своим родственникам в Штаты, посещая Нью-Йорк и Сан-Франциско. Она приезжает обласканная родными, полная впечатлений, но её верность России только ещё сильнее укрепляется.

Всё более подчиняя себя нормам православия, становясь истинно и органично «воцерковленной», Анна никогда не утрачивала широты и самостоятельности суждений по мировоззренческим вопросам.

Считая себя русской, имеющей наполовину еврейское происхождение, Аня никому не спускала проявлений юдофобства, но в серьёзной тональности высказывала критические суждения по любому религиозному и этническому вопросу. Вот некоторые из слышанных мной: «Евреи ошибаются: они часто ведут себя как собственники Святой земли, а они лишь её хранители»; «Неважно, католик он, протестант или православный, главное, что он истинный христианин», — имея в виду широту любви, прощения, деятельного сострадания. «Недавно у Ани мысль: Христос, спасая прелюбодейку (Евангелие от Иоанна: “И я не осуждаю тебя”), имел в глубинах сознания мать и себя, т.е. то, что люди говорили о них» (мой дневник, ночь с 13 на 14.I.1990 г.).

Анну всегда переполняла потребность любить и быть любимой. Ум и трезвый взгляд не позволяли ей особо заблуждаться относительно объектов своих увлечений, но необходимость любить женской любовью хоть кого-нибудь побеждала всё. Жажда любви и мечта о рождении ребёнка зрели в ней, не находя возможности для достойной реализации.

В июне 1990 г., дабы освободить сестру Марину для сдачи госэкзаменов в Академии художеств, она на неделю берёт на себя обслуживание и воспитание годовалой племянницы Вероники в условиях деревни, где вода добывалась из далёкого родника. Такого порядка и чёткости, какой был достигнут Аней при выполнении материнских обязанностей, я не встречал ни у кого. Аня как бы провела свою готовность стать матерью.

А в сентябре некто К. делает Ане предложение, и она соглашается. Он был хорош собой, лёгок в общении, пассивно добр. В тот момент они были влюблены друг в друга и, вероятно, счастливы. 24.IX в семейном кругу отметили этот союз, 24.X он был зарегистрирован. От венчания К. отказался.

Всё это происходило осенью 1990 г., которая началась со зверского убийства о. Александра Меня, священника, богослова, мыслителя. С ним и только с ним многие связывали надежды на возрождение и развитие всего светлого в христианстве на российской земле. Для Ани он был опорной личностью в российском православии.

А вскоре удар топором пришёлся и по нам.

В начале ноября 1990 г. выяснилось, что Аня неизлечимо больна раком костного мозга и ей остаётся жить около трёх лет, да и то при условии, что она будет лечиться химией, которая отдаляет конец, но подрывает жизненные силы организма.

И началась героическая борьба с судьбой, где главным действующим лицом была мать Ани, Л. И. Фаенсон. Различные клиники, врачи, способы лечения в России, Штатах, Германии, Австрии.

Коснусь лишь тех моментов, в которых выразилось мироощущение Анны, сохранившее цельность в самых критических ситуациях. В первые недели болезни мне удалось узнать о якобы удачном лечении раковых заболеваний буддийскими монахами в одном дацане в Бурятии. Мы нашли пути для скорейшего приёма у них. Я умолял Аню поехать туда вместе с мужем. Аня, находившаяся в шоке, вначале почти согласилась. Но потом твёрдо сказала, что буддизм — чуждая

ей традиция и ради спасения тела она не будет насилловать свою душу. Надвигалась необходимая поездка в Штаты для более совершенных диагностики и лечения, и я, зная Аню, умолял её ни в коем случае не отвергать возможную помощь тамошних еврейских организаций. «Вначале я скажу, что я христианка. Если они готовы помогать мне как христианке, я приму их помощь», — ответила дочь.

28.XII.1990 г. мы справили её рождение, и Аня с мамой улетели в Штаты, где родственники окружили её заботой и делали всё возможное и невозможное для её лечения.

А теперь о вещах, о которых пишут редко. Но это — правдивая Сага, и я должен сказать и об этом. Аня заранее, до заболевания предзнала свою судьбу. Коснусь лишь одного эпизода из многих, свидетельствующих об этом.

В 1986 г. Аня поехала в Среднюю Азию, в археологическую экспедицию Г. Л. Семёнова и заболела по приезде отсюда гепатитом в опасной форме. Есть основание предполагать, что это заболевание привело в движение механизм скрытой предрасположенности к раковым заболеваниям. После излечения 7.XII.1986 г. Аня пришла ко мне и единственный раз в жизни рассказала мне сон, испугавший её. В этом сне образно и концентрированно была дана наперёд вся история её смертельной болезни и её предрешённый исход. Я попытался дать Ане относительно оптимистическую трактовку этого сна, но, встревоженный, тут же подробно записал его и... забыл на девять лет это явное предупреждение. Видимо, сработал защитный механизм сознания. Лишь в 1995 г., перечитывая свои записи, я обнаружил и эту, где всё сказано наперёд.

Для чего даются такие предзнаменования?

Когда Аня уехала в Штаты, я делал всё возможное для того, чтобы она осталась там на длительное лечение, если нужно — навсегда. Я позвонил в Америку известному православному священнослужителю и богослову о. Иоанну Мейендорфу с просьбой посетить Аню и, если можно, объяснить, что можно, и находясь за рубежом, быть православной русской и деятельно любить Россию. О. Иоанн тут же выполнил мою просьбу, и Анна была очень обрадована

его приездом и телефонным разговором. Также я добился, чтобы к Ане в Штаты приехал её муж. Я подробно писал ей, как усложнится жизнь в России в ближайшие годы, и умолял её остаться в Америке как можно дольше и использовать все рекомендуемые там способы лечения.

Но Аня оставалась Аней. Во-первых, она наотрез отказалась от лечения химией и была в этом тверда до последнего месяца жизни. Она предпочла сохранить свои жизненные силы и полноту бытия ценой вероятного сокращения сроков жизни. Кроме того, догадываюсь, что вопреки фактам и логике она сохраняла надежду родить ребёнка. С одной стороны, Аня знала, что спасения нет, она прочла всё возможное о раковых болезнях и рассуждала на эти темы спокойно и со знанием, иногда даже увлекаясь и говоря об этом с интересом исследователя. С другой стороны, в тайном уголке души жила надежда на чудо.

Во-вторых, она твёрдо решила к лету 1991 г. вернуться навсегда в Россию. Вот отрывок из её письма мне:

«Америка раздражает меня невыносимо, особенно политические передачи по телевизору и вообще репортажи о войне (шла война с Ираком. — Д. М.). Таких засранцев, как их генералы, я вообще не видала, разве что в СССР. Слышал бы ты, что они несут. Я уже неделю не включаю телевизор. Гос. машина ничем не отличается от нашей. Единственное, что спасает Америку, — наличие частной собственности».

И в итоге пришло письмо о том, что 7 июня 1991 г. Аня возвращается в Россию.

«Папа, я понимаю, как плохо сейчас в Союзе. Но, я думаю, как-нибудь устроимся. Зато можно будет попробовать травы и гомеопатию».

И — концовка: «Ужасно тебя люблю. А.»

Вернувшись 7.VI.1991 г., Аня оказалась свидетельницей и как избиратель участницей знаковых исторических событий возвращения родному городу его «крестьянского имени» Санкт-Петербург, избрания первого президента Российской Федерации и первого мэра Петербурга. А 19–21 августа она наблюдала знаменитый

«путч», предопределивший конец СССР и начало фактических изменений в структуре Советской империи. Аня (как и я) восприняла события 19–21.VIII как знак того, что России предоставляется возможность начать новый, более светлый этап своей истории. Мы были счастливы, что дожили до лета 1991 г., и никогда не меняли своего положительного отношения к сути происшедших тогда событий.

Мечта о ребёнке не осуществилась, но Аня сумела сделать так, что дети у неё появились. И речь идёт не только об её крестниках Лизе Сенаторовой и Саше Горбунове. Осенью 1990 г. Аня, по-прежнему числясь уборщицей в Эрмитаже, впервые стала руководительницей школьного кружка по истории культуры России при Школьном центре Эрмитажа. Она успела провести лишь несколько занятий с кружком, раздать темы докладов. С началом болезни занятия, по её просьбе, проводил я. Провожая её в Штаты, я спросил уже в аэропорте Аню, еле державшуюся на ногах: «Скажи, что ещё важное ты поручаешь мне здесь?» Аня слабым голосом сказала: «Сохрани кружок». И я стал на один учебный год руководителем кружка и вложил в ребят 7-го класса всё, что мог. В мае мы съездили с ними в Старую Ладугу. А на следующий год лучшая часть кружка не перешла, как было принято, в другие кружки, к другим руководителям и по другой тематике, а осталась с Аней ещё на 3 года. Анна занималась с ними на различных экспозициях Эрмитажа, иногда занятия происходили у неё на дому. Знакомство с классической музыкой, некоторые аспекты религиозного воспитания, постижение особенностей истории России, интерес к своим родословным — вот лишь некоторые линии работы Анны с кружком за пределами обычной программы.

Четверо ребят из кружка поступили на исторический факультет Университета и успешно окончили его. Юра Притула (археология, проблема происхождения *Homo sapiens*), Дима Браткин (античность, история первоначального христианства), Дима Озерков (теоретические основы искусствоведения), Серёжа Орехов (русская